

В ВЕДЕНИЕ

Мы даже не подозреваем, сколь необычными животными являемся и сколь опасными. Соперничая с разными частями нас самих, мы даже не подозреваем, как близки мы к самоуничтожению и трансценденции.

Роберт Е. Орнштейн, Multimind

Сначала семидесятых годов я, главным образом, писал о западных эзотерических традициях, но вскоре понял, что в действительности меня интересует именно сознание. Все более меня поглощали различные способы изучения мистических измерений сознания, достигаемых в изобразительном искусстве, в музыке, визуализации, медитации, шаманских практиках. Я начал познавать мистические пространства современного искусства, особенно сюрреализма и визионерских полотен таких мастеров, как Макс Эрнст, Магритт, Остин, Стар и Эрнст Фуш. Меня интересовали духовные искания Карла Юнга, которые он описал в своей вдохновенной книге «Воспоминания, сновидения, размышления». Я также занялся более разносторонним изучением литературы о шаманизме и психоделических экспериментах.

Мне хотелось больше узнать о человеческих возможностях, раскрывающихся в иных состояниях сознания, особенно о тех, которые относятся к духовным архетипам. Сейчас я знаю, что все это вело меня к Движению за Развитие Человеческого Потенциала.

В 1980 г. мне выпала честь читать лекции на Международной Трансперсональной конференции, которая впервые проводилась в Австралии на Филипп Айленд, недалеко от Мельбурна. Благодаря этому я смог познакомиться с некоторыми ведущими фигурами в Движении за Развитие Человеческого Потенциала, среди которых были Майкл Харнер, Станислав Гроф, Ральф Метцнер, Джеймс Фейдиман. В ходе этой знаменательной конференции мой интерес, в сфере которого находились лишь западные оккультные традиции, сдвинулся в сторону гораздо более широко понимаемых мистических измерений сознания. Например, шаманская техника использования бубна, которой меня научил Майкл Харнер, позволяет проникнуть в такие области сознания, которые на языке ша-

манов называются Временем Сна. В этом состоянии необыкновенно выразительно из глубин психики поднимаются на поверхность мифические образы.

В это время я также заинтересовался парадигмой холистического здоровья. В 1983 г. я стал главным редактором международного журнала «Природа и здоровье», посвященного именно таким проблемам. Эта работа дала мне возможность непосредственно познакомиться со многими аспектами Движения за Развитие Человеческого Потенциала. На страницах журнала появились интервью со многими людьми, которые помогли сформировать Новое Сознание. Кроме того, мы организовали множество лекций и семинаров.

Возникновению парадигмы холистического здоровья и развитию Трансперсональной психологии как «четвертой силы» — после психоанализа, бихевиоризма и гуманистической психологии — во многом способствовал Исаленский институт в Калифорнии. Этот научный центр я посетил дважды, в 1979 г. и позднее в 1984 г. Я встречался со многими описанными на этих страницах людьми и высоко ценю их мнения.

Появление Движения за Развитие Человеческого Потенциала кажется мне необычным событием: что может быть более важным или более захватывающим, чем исследование человеческого сознания? Перед нами встает проблема истинности наших идей, ценности наших религиозных верований, а главное, вопрос о том, подтверждаются ли наши убеждения фактами, полученными на новом витке исследования сознания. Движение за Развитие Человеческого Потенциала и его популярное ответвление «New Age» («Новая Эра») концентрируют наше внимание на этих существенных проблемах.

Читатель заметит, что я не приуменьшил роль, которую сыграли в становлении Движения за Развитие Человеческого Потенциала психоделические центры. Многие ведущие представители Нового Сознания, в том числе профессора Станислав Гроф, Джон Лилли, Джейн Хьюстон и Ральф Метцнер, участвовали в научных экспериментах с психоделическими средствами и продолжают высоко ценить полученное таким путем знание о природе человеческого сознания. В сущности, парадигма холистического здоровья начала формироваться в начале семидесятых годов отчасти как «безнаркотический» ответ на психоделические исследования шестидесятых годов.

Мне хотелось бы особенно подчеркнуть, что главная задача этой книги — сделать общий обзор основных проблем, сформированных Движением за Развитие Человеческого Потенциала, которые я посчитал наиболее существенными; однако это ни в коем случае не целостная история Движения: ее еще предстоит написать.

Многие индивидуальные терапевтические техники и специализированные области исследования я опустил из-за ограниченных возможностей данной публикации. Вместе с тем, я призываю читателя к дальнейшему изучению вопросов, представляющих для него личный интерес. В этой книге я попытался выразить свое убеждение, что Движение за Развитие Человеческого Потенциала является существенным фактором в формировании современного социального и религиозного сознания. Заслуга Движения в том, что оно поставило общую для всех нас задачу более глубокого познания возможностей нашего тела, сознания и духа. Если мы включимся в эту работу, то миру не останется ничего другого, как стать лучше.

Сидней, 1989, *Нэвилл Друри*

Глава 1: Мозг, разум и сознание

По определению психология должна заниматься изучением психики — мышления, сознания или «души». Однако в течение нескольких десятилетий она стремилась развивать строго научные методы, дающие возможность измерять, доказывать, объективировать. В результате она отошла от таких не поддающихся измерению проявлений человеческого опыта, как эмоции, чувства, интуиция и эстетические ценности, сосредоточив все свое внимание на более конкретных аспектах человеческого поведения.

Первым в борьбу за объективность включился Джон Б. Уотсон, известный психолог-бихевиорист. Он отрицал существование сознания, аргументируя это тем, что всякое обучение является результатом реакции на внешнюю среду и что, несмотря на генетические различия, все человеческие действия могут быть легко обусловлены и изменены. Уотсон определил психологию следующим образом: «Психология, какой ее видят бихевиористы, представляет собой объективную отрасль естественных наук. Ее теоретической целью является предвидение и контроль поведения. Интроспекция не относится к ее основным методам... Бихевиористы в своем стремлении к поиску единой схемы реакции животных не видят ни одной линии, разделяющей человека и животное»¹.

Работы Ивана Павлова по контролю над поведением и влиятельная концепция Б.Ф. Скиннера об обусловливании и закреплении как элементах теории обучения консолидировали различные направления бихевиоризма. Скиннер отбросил концепцию «личности», аргументируя это тем, что личность является всего лишь суммой поведенческих моделей, точно так же, как эмоции и интеллект. Для Скиннера понятие «личности» при анализе поведения не имело принципиального значения, а идея самопознания была фиктивной условностью. «В этой научной позиции, — писал он в 1974 г., — нет места для личности как истинного автора или инициатора поступков»².

Однако развитие феноменологии, трансперсональных исследований и экспериментальной психотерапии обнаруживали все больше изъянов в подходе Скиннера. Движение за Развитие Человеческого Потенциала, которое отчасти можно считать реакцией на

¹ J. B. Watson, Psychology as the behaviorist views, Psychological Review, 20: 158-197, 1913.

² B. F. Skinner. About Behaviorism. — Knopf, 1974. — С. 225.

ограниченность бихевиоризма, в своей основе состоит из людей, стремящихся открыть внутренние движущие силы, которые отражаются в поведении и влияют на него (привычки, страхи, интуицию, торможение, а также способы их взаимовлияния). Личностное развитие главным образом зависит от понимания внутренних состояний, а также от умения влиять на внешние формы поведения.

Таким образом, мы должны, прежде всего, ответить на вопрос, что делает нас действительно людьми и отличает от других биологических видов. Существует ли некий признак, выделяющий человека как мыслящее существо? Исходным пунктом для поисков сущности нашей «человечности» является человеческий мозг.

О мозге

С чисто физической точки зрения мозг — это один из наиболее тяжелых органов тела. Он весит приблизительно около 1,4 кг и внешне напоминает огромный грецкий орех.

Если к нему присмотреться, то можно заметить, что он делится на две равные половины. Разделение происходит по продольной борозде, и одна половина является почти точным зеркальным отражением другой. Поверхность центральной части — собственно мозга — покрыта корой, слоем серой массы толщиной около 3-4 мм. Под корой находятся два полушария мозга, левое и правое, значение которых для фундаментальной проблемы сознания постоянно возрастает.

Два полушария соединены между собой огромной связкой нервных волокон, называемых мозолистым телом (*corpus callosum*). В нормально работающем мозге мозолистое тело дает возможность интегрировать мыслительную и физическую функции, поскольку левая сторона тела в основном контролируется правым участком коры головного мозга, а правая сторона тела — левым участком коры головного мозга. Однако, если мозолистое тело разрезать во время операции, обе стороны мозга начинают действовать независимо.

Под двумя полушариями находится меньший орган, который называют мозжечком, — по величине он приблизительно равен размерам сжатого кулака. Он также покрыт корой и имеет два симметричных полушария. Его основная функция, вероятно, заключается в контроле над точностью мускульных движений, что необходимо для координации и целесообразности действий.

Мозг и мозжечок выглядят как плоды на дереве, поскольку действительно прикреплены к стволу, называемому продолговатым

мозгом. Этот канал, состоящий главным образом из белой массы, является продолжением ствола позвоночника. Головной мозг и ствол позвоночника вместе составляют центральную нервную систему. Продолговатый мозг утолщается в черепной коробке и разветвляется в сложную структуру. В этом районе находится щитовидная железа, которую Декарт считал жилищем души, и гипофиз, который продуцирует гормоны, влияющие на физические процессы роста и полового созревания.

Из всех проблем, связанных с мозгом, наиболее интересным является вопрос о самом способе его поэтапного развития на протяжении 500 миллионов лет. Похоже на то, что постепенно накладывался слой за слоем, и каждый из них привносил в мозг определенные способности, соответствующие эпохе, в которой он развивался.

Вероятно, развитие человеческого мозга прошло три различных эволюционных этапа³. Наиболее древний этап представлен расположенным около окончания продолговатого мозга мозгом «пресмыкающегося» — его можно обнаружить у аллигаторов, черепах и ящериц, — который развился до теперешнего состояния около 500 миллионов лет тому назад. Эта часть мозга дает нам возможность ощущать, однако никак не связана с той функцией, которую принято называть «высшим мышлением».

Следующим является мозг древних млекопитающих, связанный с так называемым варолиевым мостом, который у нас является общим с такими низшими млекопитающими, как крысы, кролики, кенгуру и лошади. Собственно говоря, он нужен для того, чтобы обеспечить способности, которые были необходимы для перехода животных от жизни в море к жизни на суше. Эта часть мозга развилась до теперешнего состояния около 200 миллионов лет тому назад. Мозг древних млекопитающих является координатором таких элементарных эмоций и чувственных реакций, как голод, жажда, боль и шок. В нем также формируются такие реакции, как потребность нападать или защищаться.

И наконец, позже всех развился мозг «нового млекопитающего», или новая кора мозга, которая наиболее развита у приматов — особенно у *Homo Sapiens*. Новая кора описывается как оболочка, покрывающая мозг. Она начала развиваться около полумиллиона лет тому назад во второй половине плейстоцена. Обладающий неизмеримо большим количеством способностей к новым спосо-

³ См.: P. D. Maclean. *The Paranoid Streak in Man// Beyond Reductionism / Под ред. A. Koestler, I. R. Smythies. — Beacon Press, 1969; C. Hampden-Tumer. Maps of the Mind. — Mitchell, 1981. — С 80-83.*

бам адаптации, этот «высший мозг» связан, прежде всего, с сознательными движениями, в то время как более древние отделы мозга в основном связаны с произвольными реакциями. Именно новая кора головного мозга является наиболее очевидным свидетельством врожденного потенциала человека.

Два полушария мозга

Ведущие нейрофизиологи конца девятнадцатого века считали, что мозг является однородной массой и что во время любого действия каждая часть мозга играет более или менее одинаковую роль. Однако позднее, после появления выдающейся работы Роджера Спери о выходных системах мозга, Роберт Орнштейн, Дэвид Галин и другие исследователи доказали различие между двумя полушариями мозга. Эта концепция оказала сильное влияние на идеи *Нью Эйдж*.

Как выяснилось, каждое полушарие имеет свой, присущий только ему, способ восприятия. Левое связано с аналитическим и логическим мышлением, а также со словесным и математическим способами коммуникации. Правое полушарие связано с «холистическим» мышлением, воображением, художественным творчеством и пространственными связями. Полушария связаны между собой посредством мозолистого тела, хотя создается впечатление, что они работают независимо.

Многие последователи *Нью Эйдж* склоняются к несколько упрощенному мнению, будто в современном западном обществе, в котором доминирует научное и технологическое мышление, мы развили левое полушарие мозга за счет правого. Они критикуют нашу привычку чрезмерно полагаться на линейное мышление, на выстраивание информации в логические ряды и пренебрежение интуицией. Проще говоря, они утверждают, что на Западе человеческими поступками в слишком большой степени руководит голова, и в слишком малой — сердце.

Однако, как в этом, так и в других случаях, наиболее верным было бы умелое сочетание обоих способов действий, то есть соблюдение золотой середины. Роберт Орнштейн в своей классической работе «Психология сознания» отмечает:

«В основе наших наиболее важных достижений лежит полярность и интеграция этих двух типов сознания, компенсаторность деятельности интеллекта и интуиции»⁴.

Такой взгляд разделяет также Дэвид Галин:

⁴ R. Ornstein. The Psychology of Consciousness. — Cape, 1975. — С 64.

«Аналитический и холистический подходы взаимодополняют друг друга: каждый вводит измерение, которого не хватает другому. Когда художники, ученые, математики пишут о своих творческих способностях, они утверждают, что их труд опирается на полную интеграцию обоих подходов»⁵.

Эти два подхода можно подытожить следующим образом:

Левое полушарие: вербальное, аналитическое, разделяющее на составные части, оперирующее логической последовательностью, рациональное, действующее во времени и дискретное.

Правое полушарие: невербальное, холистическое, синтетическое, визуальнопространственное, интуитивное, вневременное и непрерывное.

Энтузиасты Нью Эйдж в какой-то мере привязаны к этому различию между правым и левым полушарием, хотя их главный идеолог Роберт Орнштейн уже расширил рамки собственной модели. В своей доступной, но очень серьезной книге «Multimind», опубликованной в 1986 г., Орнштейн изложил новый — приближенный к вышеизложенной концепции эволюционных уровней развития мозга — взгляд, суть которого в том, что человек, по существу, обладает «несколькими сознаниями», т.е. его мозг имеет многоуровневую структуру, «сформировавшуюся в разные эпохи для разных потребностей». Согласно Орнштейну, у нас есть сознание для бдительности, для эмоций, для безопасности, для переработки чувственной информации, для жизнеобеспечения. Орнштейн отмечает:

«Человеческий мозг во многом архаичен: его структура и принцип работы опираются на нервную систему низших приматов и других млекопитающих, а также еще более древних позвоночных. Например, структура мозга трески, сформировавшаяся тысячи лет тому назад и с тех пор не изменившаяся, содержит многие основные элементы человеческого мозга. Треска имеет даже кору мозга (хотя и небольшую), гипофиз, контролирующий выработку гормонов, и мозжечок. В свою очередь, такие позвоночные, как треска, в строении своей нервной системы многое унаследовали от гораздо более ранних и примитивных многоклеточных организмов. Основные характеристики функционирования нервной системы и передачи данных идентичны у всех млекопитающих. Мы настолько похожи на других животных, что мозг многих видов

⁵ D. Galin. The Two Modes of Consciousness and the Two Halves of the Brain // P. R. Lee (ed.). Symposium on Consciousness. — Penguin, 1977. — С. 40.

можно использовать как лабораторную модель человеческого мозга. Рак может служить моделью передачи данных, свинья имеет подобную нам способность к обучению, а сложные процессы зрения можно изучать, используя затылочную часть мозга кошек или некоторых видов обезьян»⁶.

Метод, используемый Орнштейном для анализа природы человеческого сознания, опирается на тот факт, что мир наиболее отчетливо воспринимается именно таким способом, каким мы его воспринимаем теперь, поскольку такого видения человек достиг в процессе развития.

«Все люди развили способность к избирательности в отношении к общим аспектам физической среды: мы обладаем глазами, воспринимающими лучи электромагнитной энергии, ушами, улавливающими механическую вибрацию воздуха, носом, наделенным рецепторами для улавливания частиц газа, специализированным осязанием, а также группой клеток на языке, устроенных таким образом, чтобы реагировать на частицы, содержащиеся в пище»⁷.

Таким образом, Орнштейн вышел за рамки своей ранней модели двух полушарий, в которой мышление в основном разделялось на рациональное и интуитивное, и развил концепцию многомерности разума (multimind), согласно которой сознание имеет «множество разных способностей», привязанных к конкретным типам эволюционного функционирования и механизмам сохранения вида. Способность человека к планированию, выводам, принятию решений, созданию систем и так далее, вероятно, развилась только во время последних четырех миллионов лет. Этому сопутствовал период быстрого роста коры головного мозга. Новая орнштейновская модель является иерархической.

«Мы все имеем специфические для каждого вида восприятия способы преобразования данных, которые придают смысл нашему окружению и являются основным источником информации, — говорит Орнштейн, — однако у нас нет доступа ко всем своим способностям одновременно». Наши способности являются независимыми друг от друга, и поэтому лучше всего описывать сознание как «союз соперничающих единиц». Далее он более подробно излагает этот взгляд: «...мышление является своеобразной системой, в которой формируются различные элементы; коллажем, составленным из множества не-

⁶ R. Ornstein. Multimind. — Macmillan, 1986. — С 35-36.

⁷ Там же.

изменных врожденных навыков, необходимых для умственной активности, которые прошли через миллионы лет, миллионы организмов и миллионы ситуаций»⁸.

Вот лишь немногие из тех способностей, которые могут использовать люди: активизация, информирование, обоняние, осязание, лечение, движение, локализация и идентификация, счет, речь, познание, управление. То, что мы называем «интеллектом», является некоей совокупностью этих способностей, проявляющихся в различных ситуациях, и всю эту систему вмещает в себя *сознание*. Именно сознание постоянно изменяется, приспособляясь к нашим всевозможным потребностям. Это привело Орнштейна к его концепции мультисознания. Это не означает, что все мы шизофреники — мысли шизофреников свободно проникают из одной части сознания в другую, — а лишь свидетельствует о том, что внутри нас живет много индивидуальностей, каждая из которых соответствует тем ситуациям, которые ставит перед нами жизнь.

Восприятие, «реальность» и голографическая модель сознания

Вне зависимости от проблемы разных «индивидуальностей», реагирующих на внешний мир, возникает вопрос, в какой степени то, что мы воспринимаем, является «реальным». Известно, что наше восприятие представляет собой интенсивный процесс фильтрации. Например, глаз передает в мозг менее одной триллионной доли той информации, которая достигает его поверхности. Существует также огромная разница между достигающими глазного яблока сенсорными данными и тем, что мозг затем конструирует как «реальность». Наши ощущения наиболее четко функционируют в определенном спектре, и мы видим так, как видим, соглашаясь с тем, что многие современные психологи определяют как «согласованную реальность», главным образом потому, что все мы как представители человеческого вида развили приблизительно одни и те же способности. Еще раз процитирую Орнштейна: *«Сознание индивида ориентировано вовне. Мне кажется, что основной целью, для которой оно развивалось, было гарантирование индивиду биологической сохранности... Из массы достигающей нас информации мы, прежде всего, выбираем ту, которая соответствует сенсорной модальности нашего сознания. Это происходит посредством многоуровневого процесса фильтрации, который в первую очередь отбирает раздражи-*

⁸ Там же, с. 81.

тели, необходимые для нашего выживания. Затем из данных, которые прошли процесс фильтрации, мы можем конструировать стабильное сознание»⁹.

Избирательность восприятия, фильтрация данных, служащая для создания модифицированной «реальности», заинтересовала также нейрохирурга Карла Прибрама из Йельского университета. Он считает, что мы используем наши умственные способности, чтобы «встроиться» в определенную реальность. «Кору головного мозга можно представить себе как резонансную деку фортепьяно, где каждая ячейка, возбуждаясь, звучит максимально в пределах определенной частоты, охватывающей приблизительно одну октаву. Единственное различие состоит в том, что в нашем воображении эта частота имеет пространственное выражение»¹⁰.

К тому же, Прибрам считает, что человеческий мозг во многом напоминает голограмму. Такой подход, который потенциально может принести очень перспективные результаты, оказал значительное влияние на Движение за Развитие Человеческого Потенциала.

Прибрам заинтересовался тем фактом, что многие люди, перенесшие травмы с частичным повреждением головного мозга, не утратили следов памяти. Создается впечатление, что центры памяти находятся во всем мозге, сохраняясь даже тогда, когда недостает значительной его части. В середине шестидесятых годов Прибрам предложил голографическую гипотезу функционирования мозга, в которой допускал, что голография может стать продуктивным методом исследования мозга.

Голограмма является чем-то наподобие трехмерной безлинзовой фотографии. Технику такой фотографии разработал Деннис Габор, который за это в 1971 году был удостоен Нобелевской премии. Голограммная фотография возникает тогда, когда луч света, падающий на какой-то объект, интерферирует с другим лучом света, который на этот объект не падает. Голограмма создает трехмерную запись интерферентного образа, в то время как обыкновенная фотография является только двухмерным изображением предмета, видимого с одной стороны.

Во время своих экспериментов Прибрам провел широкие исследования мозга обезьян с использованием введенных электродов. В ходе этих исследований удалось подтвердить, что прежде чем визуальная информация достигает зрительного центра коры

⁹ R. Ornstein. *The Psychology of Consciousness*. — С.17.

¹⁰ K. Pribram. *The Holographic Hypothesis of Brain Functioning* // S. Grof (ed.). *Ancient Wisdom, Modern Science*, State University of New York Press, 1984. — С. 174-175.

головного мозга, она подвергается радикальной модификации. Прибрам предположил, что входящая информация в некоторой степени «противоречит» накопленной памяти и ожиданиям — создавая «интерферентный образ», аналогичный тому, который появляется в голограмме. Для Прибрама интересным был также факт, что небольшие фрагменты голограммы содержат все черты целостного образа объекта. Точно так же любой части мозга может быть доступно все содержимое памяти.

Прибрам проводил эксперименты, используя «белый хаос» на телевизионном экране. Этим «хаосом» была система точек, заключающая в себе «все возможные формы». Прибрама интересовало, могут ли клетки мозга реагировать на поле точек и улавливать порядок в кажущемся хаосе. Он открыл, что клетки мозга действительно могут улавливать формы из «белого хаоса», и это привело его к следующему утверждению:

«Мы все время конструируем собственную реальность из массы того, что, как правило, кажется хаосом. Однако этот хаос имеет свою структуру: наши уши подобны радиоприемникам, а глаза — телеприемникам, которые выбирают соответствующие программы. Имея другие системы настройки, мы могли бы принимать другие программы»¹¹.

В другом месте Прибрам развивает этот взгляд, сравнивая образы, возникающие в результате голографической интерференции воли, с тем, что происходит в мозге:

«Волны являются колебаниями, и все свидетельствует о том, что отдельные клетки в коре головного мозга считывают частоту волн в определенном диапазоне. Так же, как струны музыкального инструмента дают резонанс в определенном пределе частот, так резонируют и клетки коры головного мозга»¹².

В этом месте мы должны обратиться к философской теории выдающегося физика Дэвида Бома, которая повлияла на концепцию Карла Прибрама о голографической работе мозга и дополнила ее.

Бом, почетный профессор Лондонского университета, американец по происхождению, ранее работал с Эйнштейном и является автором классических работ по теории относительности и квантовой механике. Как и Прибрам, Бом убежден, что ограниченные возможности восприятия затрудняют наше научное понимание.

¹¹ Там же, с. 178.

¹² K. Pribram. Behaviorism, Phenomenology and Holism//The Metaphors of Consciousness, ed. P. S. Valle, R. von Eckartsberg, Plenum Press, 1981.— С 148.

Работа в области квантовой физики привела Бома к мнению, что вселенная на фундаментальном уровне является «однородной целостностью», или, по его собственному определению, «тем-что-есть». Для него все вещи, соединенные с пространством, временем и материей, являются проявлениями этой однородной целостности, или экзистенции, во всем ее многообразии, которую он называет «свернутым», или «скрытым», порядком. Однако наша наука, находясь под влиянием картезианской философии, видит только некоторые части вселенной, которые Бом называет «развернутым», или «открытым», порядком. Используемые современной наукой редукционистские методы делают невозможным для нас понимание того, что все вещи существуют благодаря этой однородной целостности, бесконечному непрерывному процессу «перетекания», который Бом называет «всеобщим движением». Он считает, что вселенная напоминает целостный организм, в котором части имеют смысл только по отношению к целому.

Акцент на идее целостности сближает концепцию Бома со взглядами Прибрама, поскольку, по мнению Бома, на глубинном уровне индивидуальное сознание должно быть частью всеобщего, универсального сознания, а согласно Прибраму, разум на своем наиболее глубоком уровне укоренен во всеобщем движении. К сожалению, используя линзы и другие оптические приборы для научных измерений и оценок, мы развили науку, которая сосредоточилась на узких аспектах проявленной вселенной, вместо того, чтобы сосредоточиться на более универсальной реальности всеобщего движения.

Тем временем Прибрам обратил внимание на то, что голограммы создаются без помощи линз. В связи с этим возникает важный вопрос: как выглядела бы вселенная, если бы мы не имели линз в наших глазах? Линзы, утверждает он, создают свой собственный образ реальности: они являются фильтрами, формирующими особое восприятие.

В статье «Голографическая гипотеза функционирования мозга» Прибрам пишет:

«Значение холономной реальности состоит в том, что она создает то, что Дэвид Бом называет «свернутым», или «скрытым», порядком, который, одновременно является всеобщим порядком. Все содержится во всем и распространено по всей системе. Посредством наших органов чувств и телескопов — линз вообще — мы открываем, разворачиваем этот свернутый порядок. Наши телескопы и микроскопы даже на-

зываются «объективами». Так мы и познаём суть вещей: с помощью линз в наших органах чувств делаем из них объекты. Не только глаза, но также кожа и уши являются структурами, состоящим из линз. Дэвиду Бому мы обязаны пониманием того, что во вселенной существует некий скрытый порядок, который является внепространственным и вневременным в том смысле, что пространство и время в нем находятся в свернутом виде. Сейчас мы можем утверждать, что мозг также функционирует в холономной сфере... Однако этот холономный порядок не является пустотой; это наполненное и текучее пространство. Открытие этих свойств холономного порядка в физике и в области исследований мозга заинтересовало мистиков и ученых, знакомых с эзотерическими традициями Востока и Запада, и заставило задаться вопросом: не это ли было содержанием всего нашего опыта?»¹³.

Концепции Бома и Прибрама открывают широкие перспективы для изучения мозга и сознания. Мы начинаем понимать, что на фундаментальном уровне во вселенной все взаимосвязано и что индивидуальное сознание — это иллюзия. Та фикция, которую мы считаем индивидуальным сознанием, по существу включает в себя весь потенциал универсального сознания, а та реальность, в которой мы так уверены, быть может, является только одной малой частью гораздо более широкого спектра, в который мы не можем встроиться с помощью, несомненно, ограниченных возможностей нашего восприятия. Теперь ясно, что реальность как таковая не является «постоянной», как мы всегда представляли, а создается нашим мозгом, придающим ей некую «осмысленность».

Поскольку одной из главных задач Движения за Развитие Человеческого Потенциала является постижение тайн сознания, открытия Прибрама и Бома имеют для этого движения огромное значение.

Вместе с тем, поле исследования значительно расширилось, охватывая не только физику и психологию, но и, в равной степени, области, традиционно связанные с религией, метафизикой и мистицизмом. В широком смысле, это так же справедливо и для Нью Эйдж.

Представители Движения за Развитие Человеческого Потенциала и Нью Эйдж подчеркивают важность исследования новых со-

¹³ K. Pribram. The Holographic Hypothesis of Brain Functioning. — С. 178-179.

стояний бытия, создания новой терминологии для описания непривычных сфер сознания. Этот путь неизбежно переносит нас за пределы установленных систем взглядов и вероисповеданий, открывая более широкие измерения опыта. Это поиск, который постепенно преодолевает религиозные установления и пытается заглянуть в самые глубины психологии, чтобы интегрировать физические, умственные и духовные аспекты нашего существования и обрести единое священное *знание*. Новое сознание — это, прежде всего, процесс изменения личности, который в конечном итоге ведет нас за пределы личности. Это путь к целостности, тотальности существования.

Однако Движение за Развитие Человеческого Потенциала появилось как следствие постоянно развивающегося процесса, многим обязанного тем родоначальникам психологии, которые первыми начали исследовать сознание на Западе. Чтобы рассказать об этом процессе, мы должны начать с самого начала.

Глава 2: Пионеры человеческого потенциала

Как мы отметили, психология должна заниматься исследованием сознания. Поэтому движение *Нью Эйдж*, а также его более академическое ответвление — Движение за Развитие Человеческого Потенциала — основной упор делают на сознание, а не на поведение. Оба эти движения в некотором смысле эклектичны. Они обращаются к различным системам воздействия на тело и мышление, чтобы изменить или расширить сознание, а также используют западные и восточные техники медитации и визуализации, йогические дыхательные и физические упражнения, дзен-буддистские техники преодоления линейности мышления, даосские метафоры, такие, как *ян* и *инь*, помогающие выразить текучесть, изменчивость мира и т.д.

Сутью Движения за Развитие Человеческого Потенциала является понимание того, что если мы хотим глубже постичь истинное значение жизни, то исходным пунктом должно быть наше сознание, а шире — наш индивидуальный опыт.

Если мы определим *Нью Эйдж* как симбиоз практической психологии и всевозможных метафизических и мистических доктрин, то, само собой разумеется, что мы должны проанализировать вклад тех пионеров современной психологии, которые оказали влияние на формирование сознания современного человека.

Без сомнения, на Движение за Развитие Человеческого Потенциала и на *Нью Эйдж* сильное влияние оказали такие мыслители, как Уильям Джемс, Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер и Вильгельм Райх.

Уильям Джемс (1842-1910)

Уильям Джемс — пожалуй, единственный «дофрейдовский» и «добихевиористский» представитель американской психологии, который внес важный вклад в изучение сознания.

Это был человек широких интересов. Он преподавал анатомию, психологию и философию в Гарвардском университете. Он на практике искал подтверждения своей теории прагматизма. Кроме того, Джемс интересовался необычными состояниями сознания — от религиозного и наркотического экстаза до явлений метапсихических и спиритуалистических. В 1892 г. он резюмировал цель и задачи психологии как «описание и изучение состояний сознания»¹⁴, что звучит вполне современно.

¹⁴ W. James. Psychology: the Briefer-Cours. — Holt, 1992. — С.1.

Уильям Джемс считал индивидуальное сознание непрерывным процессом мышления, но, в отличие от Дэвида Бома и Карла Прибрама, он не рассматривал сознание как самостоятельную вселенную: он был убежден, что сознание нельзя рассматривать вне зависимости от того, кому оно принадлежит. Не менее ясно он понимал то, что сейчас мы называем *спектром* сознания. «Наше нормальное, или, как мы его называем, разумное сознание, — писал Джемс, — представляет лишь одну из форм сознания, причем другие, совершенно от него отличные, формы существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой».¹⁵

В другом месте он говорит о сознании почти как мистик:

*«...существует континуум космического сознания, от которого наша индивидуальность ограждена только тонкими перегородками и в который наши индивидуальный разум погружен как в материнское море...»*¹⁶

Однако система У. Джемса близка идеям Нью Эйдж не только своими определениями. Точно так же, как и это современное движение, Джемс подчеркивал значение самосовершенствования. Он считал, что каждый человек имеет врожденную способность к изменению или адаптации системы своих действий, то есть способность «развиваться», достигая новых уровней личности. Он также считал, что для сохранения физического здоровья необходима позитивная установка — в современной холистической медицине этот факт считается аксиомой, — и верил, как позднее Зигмунд Фрейд и Вильгельм Райх, что блокирование эмоциональной энергии может привести к болезни.

Горячий сторонник индивидуальной деятельности, Джемс считал, что воля играет главную роль в личностном развитии и определял ее как «решающий фактор, благодаря которому могут произойти важнейшие события»¹⁷. Воля как форма интеллектуального восприятия предоставляет человеческому разуму возможность «открыть истину о реальности» и тем самым существенно влияет на картину мира в целом. Поэтому Джемс утверждал, что все мы должны учиться развивать силу воли. «Воля направляет сознание,

¹⁵ У. Джеймс. Многообразие религиозного опыта. — М.: Наука, 1993. — С.302.

¹⁶ Цит. по: G. Murphy и R. Ballou (изд.). William James on Psychological Research, Viking, 1960. — С 324.

¹⁷ W. James. The Will to Believe and other Essays in Popular Philosophy. — Longmans; Green & Co, 1969. — С.232.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru